

КАТЕГОРИЯ «ЗАКОН» И ЕЕ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII - XIX ВВ.

Агаян Виолетта Арсеновна

студент Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ, РФ, г. Шахты

Шишкин Алексей Александрович

научный руководитель, канд. юрид. наук, доц. Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ, РФ, г. Шахты

Характерно, что термин «закон» употреблялся на Руси еще в дохристианский период («закон греческий», «закон русский»), но уже в Русской Правде (т. е. с середины XI в.) он отсутствует. В светском юридическом лексиконе слово «закон» вновь появляется только в петровское время (XVII—XVIII вв.). Объяснение этому факту можно найти у митрополита Киевского Иллариона в его широко известной повести «Слове о законе и Благодати». «Правда» — категория моральная, субъективная, она неотделима от понятия «совесть», относящаяся к тому же ряду, что и справедливость. Правда есть мера справедливости. Истина — категория рациональности, познавательной деятельности, ее мера. Право — истинная реальность, но не всегда «правда». Если право не обладает моральной ценностью, то отдается безусловное предпочтение иным социальным регуляторам, например, открываются возможности для духовной и политической властей претендовать на роль носителя «правды».

Б.Н. Чичерин полагает, что нравственность формирует правосознание, которое определяется мыслителем как отношение граждан к власти и правовым институтам [5, с. 100—150]. С одной стороны, нравственность выступает у него в качестве ограничителя политической власти, с другой — ее внутренней силой, авторитетом. Идеи общего блага, справедливости освещены нравственностью. Человек имеет внутренний источник долженствования, т. е. он готов признать правило с точки зрения своего нравственного сознания. Этим дается полная нравственная база для права.

Л.И. Петражицкий считал, что несоответствие права и нравственности приводит к игнорированию законов населением: «люди следуют тем или иным законам, выполняют в повседневной жизни те или иные предписания права вовсе не потому, что так написано в гражданском кодексе, который они боятся нарушить, прежде всего потому, что так подсказывает им совесть».

Одним из приверженцев определения права через нравственность является К.П. Победоносцев, что очевидно, ибо большую часть творческой деятельности ученого всегда составляла критика западноевропейского устройства государственности и общественной жизни. Болезненно реагируя на разрушения российских традиционных патриархальных отношений, он усматривал в проявлениях демократии покушение на нравственность и религию, истинность которых не должна подвергаться сомнению. Отвергая концепцию о разделении права и нравственности на внешние и внутренние свободы и обязанности человека, он утверждает единство нравственного начала. Нравственное начало не может двоиться, так чтобы одно было нравственное учение частное, другое — общественное; одно — светское, другое — духовное. Отсюда в основе закона должна всеобщая «нравственная правда» [3, с. 76—80]. Юридические нормы строятся на основе нравственных заповедей. К.П. Победоносцев в своем учении соединил право и нравственность, и Церковь явилась связующим звеном в этой интеллектуальной схеме, а «христианство — духовной основой всякого права».

Интересно развитие взглядов на соотношение права и нравственности другого русского философа — В.С. Соловьева. Оно служит «воплощению добра, ограничению и исправлению зла» и определяется справедливостью. «Нравственно должное» становится конститутивным признаком права, а само оно превращается в неперемное условие осуществления «совершенного добра» в обществе. Право не сводится к этической категории, будучи самостоятельным началом, оно в то же время обусловлено нравственностью. Анализируя нравственность и право, В.С. Соловьев подчеркивал, что эта взаимосвязь необходима для определения обоих понятий. Без права нравственная проповедь, лишенная объективной опоры в реальном мире, осталась бы только пустословием, а само право, при полном отделении его формальных понятий и учреждений от их нравственных принципов и целей, потеряло бы свое «беззвучное нравственное основание», ничем не отличаясь от произвола.

В идеале любой закон должен содержать в себе принципы нравственности, поскольку нельзя допускать существование недобрых и несправедливых законов. По мысли В.С. Соловьева, считавшего право некоторым минимумом нравственности, задача его состоит «не в том, что лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы он до времени не превратился в ад». Истинное понятие добра, по В.С. Соловьеву, реализуется через принудительную справедливость: «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или, порядка, не допускающего известных проявлений зла». Нравственное добро — неотъемлемый признак права. Несправедливые законы, идущие в разрез с нравственностью, не являются правовыми и подлежат отмене. «Вместе с тем я отваживаюсь утверждать, что русская философия — сомнительный и ненадежный союзник в нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру», — писал В.С. Соловьев. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что российской ментальности, национальному сознанию издавна свойственен известный дефицит правосознания, чему в отечественной философии соответствовал дефицит правопонимания. Правовой «нигилизм» стал неотъемлемой чертой российской общественной традиции: позитивное право представлялось в качестве «антиценности», его неприятие естественно и нравственно-оправданно.

С.Л. Франк подчеркивал, что если бы можно было одним словом охарактеризовать умонастроение нашей интеллигенции, то нужно было бы назвать его морализмом. «Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые. Морализм этот есть лишь отражение ее нигилизма. Под нигилизмом я разумею отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей» [1, с. 40—47].

Истинным духовным выразителем русского правового нигилизма считается Л.Н. Толстой. Мыслитель прямо выступал против права — величайшего обмана и зла в силу небожественной своей природы создания. «Но мало того, что эта болтовня ученых имеет целью уклонение от решения трудных вопросов, болтовня эта, как это происходит при болтовне о «праве», имеет часто еще самую определенную безнравственную цель — оправдание существующего зла». Право, по мнению Л.Н. Толстого, выполняет лишь функцию охраны богатств крупных земельных собственников, фабрикантов, капиталистов, наживших свои богатства захватом земли, ограблением трудов рабочих. П.И. Новгородцев, отмечает, что для Л.Н. Толстого «перед огромной задачей нравственного совершенствования ступшевается скромная по виду роль правовой организации; право представляется ему скорее помехой, чем залогом нравственного прогресса» [4, с. 15—20]. Здесь воспроизводится основная критическая идея того времени о недостаточности правовой культуры с точки зрения повышенных требований нравственного сознания.

Действительно, можно ли говорить, что Л.Н. Толстой, получивший высшее юридическое образование, обладал правовым невежеством, косностью, невоспитанностью или ему не хватило правовой культуры и правосознания, чтобы восхищаться действующим законодательством, т. е. он как человек и гражданин не болел за отечество, а был просто нигилистом. Сомнения находят себе оправдание в условиях той действительности: непрочность начала законности в государственном строе; недостаточное развитие правосознания в обществе; отсутствие прочной культурно-правовой традиции, подлинной независимости судеб.

Действительно, есть множество юридических законов, которые заключают в себя минимум нравственности, вообще безнравственные или нравственно безразличные. Это во многом объясняет отсутствие в русской правовой идеологии культа прав человека, как и связанного с ним культового отношения к славе (цель самоутверждения) и богатству. Западный индивидуалистический идеал правового государства никогда не выступал в российском правосознании в качестве общественного идеала.

А.Я. Ефименко подчеркивал, что в отличие от западноевропейских цивилизаций русское общество складывалось патриархально, под давлением лишь внешних условий, в то время как на западе в силу исторических событий сознание общества складывалось иначе. Веками складывался определенный уклад, образ жизни, к которому русские привыкали и не желали перемен. Для значительной части народа стабильность, неприятие новых перемен и новшеств заложены в генах. Огромная территория российской империи позволяла перемещать из центральных районов страны насильственно или добровольно на периферию не согласных с существующим укладом. Консервация тенденций социального прогресса определяла социальную психологию людей, стремление к стабильности, боящихся и не желающих перемен.

Российско-византийский культурно-исторический тип общества не предполагает рассмотрения человека ни в качестве моральной ценности, ни в качестве функционально значимого элемента социальной системы. Критерием развития общества объявлялось творчество. Причем оно абсолютизировано, оторвано от своего носителя — человека. Концепция Леонтьева вообще отрицала гражданам всякие права, не признавая ценность человека. Процесс либерализации и демократизации равнозначен разложению: как уравнивание и освобождение химических элементов ведет к распаду физического тела, к утере им формы, так и равенство со свободой личности приводят к распаду государственной формы. «Гибнущее становится и однообразнее внутренне, и ближе к окружающему миру, и сходное с родственными, близкими ему явлениями (т. е. свободнее)». При истинном самодержавии народ истинно свободен.

Ментальность российской правовой системы не может быть вне пространства юридической культуры, обеспечивая целостность последней. В то же время правовая ментальность дистанцируется от правовой культуры, от ее общечеловеческих ценностей и начал. Это и понятно, поскольку они для российской ментальности нетрадиционны. В частности, речь идет о естественных, неотчуждаемых правах человека, о правовой автономии индивида в рамках юридического сообщества, доминанте права над государством. Данные социально-правовые ценности не стали «родными» для российского правосознания. Таким образом, российский правовой менталитет противоречиво или безразлично относится к субъективным правам и свободам.

Список литературы:

1. Соловьев В.С. Соб. соч.: в 8 т. — СПб.: Типо-литогр. АО «Самообразование», 1873–1900. — Т. 2. — С. 383.
2. Пешков А.И. Вопросы права и нравственности в трудах К. П. Победоносцева // Современная социология и философия права: Россия — Восток — Запад. Тезисы выступлений на международной научно-практической конференции. — СПб., 1999. — С. 37.
3. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. — СПб., 1997. — С. 90.
4. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. — М.: Издательство В.М. Саблина, 1909. — С. 170.
5. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. — М., 1892. — С. 29.